

Озорной детектив

Елена ЛОГУНОВА

“Суперклей
для разбитого
сердца”

Елена Ивановна Логунова
Суперклей для
разбитого сердца
Серия «Индия Кузнецова», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181428
Суперклей для разбитого сердца: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18309-4*

Аннотация

Индии Кузнецовой «повезло» с самого рождения: с именем и старшим братом. И если мамулин заскок еще можно замаскировать под «Инну», то братец решительно не поддается исправлению: Казимир по заказу нового русского добыл раритетный немецкий шкаф «Хельга», который взял да и пропал прямо из квартиры Кузнецовых. Казалось бы, чего проще – найти такой же. Но у Индии и Казимира, кажется, завелись конкуренты! Таинственные охотники за шкафами все время болтаются где-то рядом и строят козни! Но из-за чего такой ажиотаж? Уж не устроил ли какой-нибудь шутник в одной из «Хельг» тайник с сокровищами?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Логунова Суперклей для разбитого сердца

Глава 1

Итак, Хомкин меня бросил!

Бросил безжалостно, грубо и цинично!

Объявил о разрыве в ресторане, в присутствии своей новой пассии и официанта, который реял стервятником, подстерегая момент, чтобы вырвать у меня тарелку.

Прочие приборы со стола уже убрали. Подозрительно косясь на официанта, я придвинула к себе салатницу с остатками необыкновенно вкусного оливье и методично заработала ложкой. Зная, что за еду Хомкин заплатит сполна, я считала себя вправе съесть все, до последней крошки. Могу даже вылизать эту салатницу, если захочу! Я девушка без комплексов.

Я уже приготовилась тщательно вытереть стенки посуды хлебной корочкой, и тут Хомкин трагическим голосом сказал:

– Все, Инесса! Сегодня мы с тобой пообедали в последний раз.

В первый момент я подумала, что Хомкин собрался сесть на строгую диету – с него станется! – и легкомысленно ответила:

– Ну, мне-то худеть не надо!

При этом я с прозрачным намеком посмотрела на девушку, которую Хомкин зачем-то притащил с собой и представил мне как свою новую секретаршу. Девушка была на голову ниже меня, а весила килограммов на пять больше. Правда, избыточный вес у нее был сосредоточен в основном в области грудной клетки и в районе седалища: декольте выглядело так, словно в него затолкали пару воздушных шаров, и еще пара спряталась сзади под юбкой. В сочетании с кумачовым цветом платья это придавало секретарше очень праздничный, первомайский вид. Я прищурилась, вообразила, как она торжественно и величаво проплывает мимо украшенной флагами трибуны, и ухмыльнулась. Эта краснознаменная девушка одна могла заменить собой целую колонну ликующих демонстрантов!

– Инесса, мы с тобой расстаемся навсегда! – с нажимом сказал Хомкин и, чтобы смысл его слов стал мне еще понятнее, приобнял секретаршу за пышные плечи.

Первомайская демонстрация в моем воображении ментально превратилась в похоронную процессию. Пальцы, крепко сжимавшие край салатницы, дрогнули и выпустили посудину. Официант тут же подхватил ее и с радостным клекотом унес прочь.

Я нахмурилась, тяжело взглянула на Хомкина и побарабанила освободившимися пальцами по столешнице, безмолвно требуя объяснений.

– Я женюсь! – сообщил Хомкин, трусливо прячась за свою секретаршу, которая воинственно выпятила грудь, заняв ею почти половину стола.

– Не на мне? – на всякий случай уточнила я.

Хомкин замотал головой так яростно, словно его атаковал пчелиный рой. Мисс Первое Мая ехидно ухмыльнулась.

В этот момент я оценила, с каким расчетливым коварством Хомкин выбрал время для объявления о нашем разрыве. На столе, с которого убрали всю посуду, не было ничего подходящего для прицельного броска в физиономию подлеца. Не стулом же его бить! Хотя...

Я с особым интересом взглянула на соседний – пустой – стул, и Хомкин, успевший неплохо узнать меня за полгода более или менее бурных отношений, поспешно сказал:

– Я хочу, чтобы мы расстались друзьями!

– Ты бы лучше спросил, чего хочу я! – Я зловеще цыкнула зубом, и хомкинская новая подруга немного втянула бюст, убрав его подальше от моих оскаленных челюстей.

– А чего ты хочешь? – послушно спросил Хомкин.

– Много чего, – честно призналась я.

Я хотела немедленно, здесь и сейчас, задушить мерзавца своими собственными руками. Я хотела стянуть с соседнего стола остро заточенную вилку и потыкать ею в надувное

декольте его новоиспеченной невесты. Наконец, я очень хотела съесть уже заказанный десерт с многообещающим названием «Огненный рай», но не могла ждать, пока его принесут, в компании Хомкина и его будущей вайф, так как из последних сил боролась с желаниями номер один и номер два (смотри выше). Таким образом, получалось, что этот гад оставил меня без сладкого! Я поняла, что не прощу его никогда!

Я со скрежетом оттолкнула стул, поднялась над столом во весь рост и высокомерно бросила надувной девице:

– Завещаю вам это ничтожество, – я кивнула на покрасневшего Хомкина, – и мой высококалорийный десерт. Кушайте, вам же нужно поддерживать в должной форме свои аэростаты!

Я кивнула на девицино декольте – это вполне могло сойти за прощальный поклон, – и удалилась, громко цокая каблучками.

Уже в такси я осознала, что меня обуревают еще одно могучее желание – реветь белугой и рвать на себе волосы, и уж в этом я себе не отказала. Правда, шевелюру свою я проредила чисто символически, хоть и взлохматила основательно, зато парадное лицо, вдохновенно нарисованное перед свиданием с неверным возлюбленным, размазала до состояния шедевра абстрактной живописи. Наверное, поэтому таксист, высадив меня у подъезда, невероятно быстро умчался прочь, даже деньги не пересчитал.

Зеркала в лифте не было давным-давно, и это избавило меня от лишнего стресса, но мамуля, открыв мне дверь, громко ахнула, сокрушенно покачала головой и спросила:

– Бросил?

– Бросил, – жалко шмыгнув носом, подтвердила я.

– А я всегда предупреждала! – изрекла мамуля.

Она высоко подняла голову и удалилась по коридору. Я вздохнула. Мамуля действительно всегда предупреждала, что Хомкин меня бросит. Впрочем, она также всегда предвещала папулину смерть от обжорства, собственную скорую и неминуемую гибель от нервного истощения, Зямину кончину от злоупотребления плотскими радостями жизни и, наконец, массовый падеж всех членов нашей семьи от сезонной бескормицы, вызванной хронической задержкой издательством мамулиных гонораров. Она у нас сочиняет страшные истории, которые читатели раскупают, как горячие пирожки. У нее невероятно высокий рейтинг популярности среди окрестной детворы: стоит только мамуле выйти во двор, как вокруг нее собирается толпа малолеток, охочих до страшилок. Папуля порой надрывает горло до хрипа, пытаясь дозваться женушку с вечерней прогулки. Она может до глубокой ночи сидеть на бортике песочницы, испытывая на юных добровольцах крепость сюжета нового ужастика.

– О, Индюшечка пришла! – выглянул из кухни раскрасневшийся папуля. – Ты попробуешь мой новый шедевр, детка? Я приготовил курицу с бананами и ананасами.

Папуля у нас великий кулинар. Он изобретает рецепты новых кушаний для иллюстрированного журнала «Очаг и жаровня», и большинство блюд вполне можно есть. Хотя бисквитному пирогу-шарлотке с маринованными луковками в ходе внутрисемейной дегустации высокую оценку поставил только Зяма, которого в тот момент мучило похмелье.

– Курица с бананами и ананасами? – с сомнением повторила я, не спеша к столу.

– И еще четыре вида домашнего мороженого! – крикнул папуля из кухни.

– Это меняет дело, – согласилась я.

Скинула туфли, бросила на пол сумку, прошла в ванную и с глубоким удивлением уставилась на свое отражение в зеркале. М-да... Душевная драма налицо, вернее, на лице! Я кое-как причесалась, смыла размазанную косметику и сделалась похожа на трагическую маску для древнегреческого театра.

– Маска, маска, я вас знаю! – острым глазом художника уловив сходство, радостно приветствовал мое появление в кухне Зяма.

Он с аппетитом ел мясо со сложным гарниром из щедрых даров африканской земли. В куцей бороденке Зямы застряли хлебные крошки. Я поморщилась и бочком, словно нехотя, опустилась на стул, который подставил мне заботливый папуля.

Мой старший брат Казимир – художник, дизайнер по ин-

терьеру. Он считает себя гением и убежден, что это очевидно по его внешности. У Зямы короткая узкая бороденка, серебряная серьга в ухе и прическа вроде той, от которой я сама только что избавилась с помощью воды и расчески с редкими зубьями.

– Май систер, ты что-то бледна! – с неподобающей случаю веселостью заметил Зяма.

– Как нетронутый снег на забытом погосте! – с завыванием добавила мамуля, входя в кухню с пустой тарелкой.

Папуля, не дожидаясь просьбы, положил ей добавки, и мамуля без промедления удалилась в свою комнату. У нее горел синим пламенем сценарий короткометражного фильма ужасов, который следовало сдать заказчику еще на прошлой неделе.

– Сегодня мамулю не посетила муза, – шепотом уведомил нас папуля.

Мы с Зямой синхронно кивнули: мол, понятное дело! Мамулина муза огорчительно непунктуальна и посещает подшефную писательницу крайне нерегулярно. В дни, когда муза блещет своим отсутствием, мамуля становится невыносима. Вместо того чтобы выплеснуть свои пугающие фантазии на бумагу, она щедро дарит страхи и ужасы окружающим. Только на прошлой неделе, когда капризная муза опять где-то заплутала, мамуля поймала во дворе председательшу нашего домового комитета Тамару Павловну и, остановившимся взором глядя мимо ее плеча, зловещим голосом произ-

несла:

– Я вижу белые-белые тапочки... Это ваши?

Несчастливая председательша побелела так, что посрамила цветом своего лица упомянутую обувь, сотворила крестное знамение и с визгом убежала. Она так и не узнала, что мамуля говорила с ней всего лишь о свежевывстиранных белых чешках, которые Тамара Павловна только что собственно-ручно прищепила на веревку!

– Так что с тобой случилось, детка? – спросил меня папуля.

– Увы мне, я рассталась с Хомкиным, – скорбно пояснила я ему и азартно чавкающему Зяме.

– Ну, и черт с ним! – Папуля ласково чмокнул меня в мокрую макушку. – Все равно он никому из нас не нравился!

Это прозвучало так, словно мое семейство забаллотировало Хомкина после дегустации. Я кровожадно усмехнулась, представив хорошо прожаренного Хомкина, украшенного розетками из овощей и с печеным яблоком во рту... Выглядит не слишком аппетитно.

– Попробуй-ка это! – сказал папуля, подсовывая мне под локоть тарелочку с чем-то гораздо более симпатичным, чем жареный Хомкин.

Я почувствовала, что мое горе отступает. Оно, конечно, еще вернется, но не раньше, чем я съем весь папулин пломбир!

Я взяла серебряную ложечку и сосредоточилась на этом

процессе.

У земляничного пломбира был приятный вкус с легкой кислинкой, а миндальный чуточку горчил, но это не помешало мне съесть оба шарика и даже тщательно подобрать подтаявшее мороженое ложечкой.

– Умм! – Я на секундочку закрыла глаза, потом снова открыла их и деловито перевернула креманку.

В вазочке еще оставались два шарика: фисташковый и шоколадный, и останавливаться я не собиралась.

– Как ты можешь столько есть? – скривил губы Зяма.

Это означало, что сам Зямочка уже до такой степени объелся папулиной курочкой с африканской ботвой, что на мороженое у него просто нет сил.

– Я не ем, а провожу сравнительную дегустацию, – добродушно ответила я. – Выясняю, какое мороженое вкуснее, чтобы в следующий раз взять полную порцию.

– Ну, с добавкой ты не удержишься, правда? – Зяма иронично посмотрел на меня поверх чайной чашки и, неожиданно подобрев, объявил:

– Дорогие мои, хочу поделиться с вами своей радостью. Представьте, я наконец-то нашел Хельгу!

Я задержала во рту комочек мороженого. Не для того, чтобы лучше прочувствовать вкус уже протестированного мной земляничного пломбира, а чтобы не ляпнуть чего лишнего. Понятия не имела, что Зяма ищет какую-то Хельгу! Да кто она такая?

– Я долго искал ее, – в ответ на мой невысказанный вопрос признался брат. – Последние три месяца Хельга была моей розовой мечтой!

Я немного огорчилась. До сих пор у меня были все основания считать, что идеалом женщины для брата являюсь я сама. Во всяком случае, Зяма не раз говорил, что был бы рад, если бы я приходилась ему не сестрой, а женой. Мол, с супругой он всегда мог бы развестись, а родная сестра – это, увы, пожизненное наказание. Я всегда думала, что за грубостью Зяма скрывает свое восхищение моими многочисленными незаурядными достоинствами. А тут вдруг какая-то Хельга!

Интересно, как она выглядит? Если судить по имени, это должна быть долговязая блондинка, шведка или датчанка, голубоглазая дылда типа Умы Турман или Бриджит Нильсен. Я вообразила себе белокурую девицу гренадерского роста, в шерстяном свитере с оленями, с лыжными палками в руках и снегоступами на ногах. Боже, что могло понравиться Зяме в такой вульгарной особе? Я гораздо интереснее! Правда, не очень похожа на Сольвейг и вовсе не умею ходить на лыжах. Но рост у меня для женщины вполне приличный – сто семьдесят пять сантиметров, к тому же совсем недавно я в очередной раз перекрасила волосы и стала блондинкой.

– Эта Хельга – она из Скандинавии? – спросил папуля, повязывая непромокаемый передник и перемещаясь к мойке, забитой грязной посудой.

– Из Германии, – ответил Зяма, передав папе еще одну

немытую чашку – свою собственную. – И в полной мере обладает всеми немецкими достоинствами!

«Значит, эта Хельга вкусно готовит, фанатично наводит порядок в доме, дрессирует многочисленных детей и истово молится в кирхе», – подумала я и еще больше приуныла. У меня пока нет детей, я не набожна, не слишком аккуратна, а приготовлением пищи в нашем доме занимается исключительно папуля. Да, на настоящую арийку я не тяну!

– А как она выглядит? – не без ревности спросила я брата.

– Выглядит она превосходно! – Зяма мечтательно прищурился. – Представьте: вся такая шоколадная, стекла в золоте, и для своих лет замечательно сохранилась!

Я тихо охнула. Выходит, тайная мечта моего брата – пожилая мулатка-очкарик?! Я уже открыла рот для вопроса, но папа меня опередил.

– Сколько ей лет, ты сказал? – громко, перекрикивая шум льющейся воды, спросил он Зяму.

– Разве я говорил? Что-то около тридцати, – Зяма потихоньку подтащил к себе забытую мной креманку с остатками мороженого.

Я на этот разбой не обратила внимания. Стало быть, его возлюбленная мулатка еще далеко не старушка...

– Мне ее долго не отдавали, потому что какой-то другой парень обещал дать больше, но я твердо решил, что заполучу ее во что бы то ни стало! – уплетая мой пломбир, трещал

разговорившийся Зяма.

Мне сразу же захотелось узнать, откуда именно Зяме не отдавали его шоколадную красотку. Может, она томилась в каком-то гареме? Или даже в борделе?

– Денег у меня больше не было, так что я даже начал прикидывать, как бы мне ее украсть, но тут эта тетка, хозяйка Хельги, неожиданно сдалась, – продолжал Зяма.

Я укрепилась в мысли, что близорукая мулатка была узницей публичного дома, и прониклась уважением к братцу. Он, конечно, беспутный малый, но какой темпераментный!

– Зяма, эта твоя история с Хельгой – просто сюжет для бразильского сериала! – сказала я.

Зяма поморщился: в отличие от меня, он никогда не смотрит «ля фильма латина». А вот я время от времени смотрю, чтобы выяснить, что за блюдо латиноамериканской кинематографической кухни предложено телезрителям на этот раз: простое мыло, жидкое мыло, гель для душа или шампунь без слез. Это моя собственная классификация сериалов по степени слезовыжимания и душераздирательности.

– Пойдем, я тебе ее покажу! – Зяма вскочил и потянул меня за руку.

– Зяма! Ты так сразу притащил эту жертву расовой дискриминации в наш порядочный дом?! – Мое восхищение Зямыным темпераментом превратилось в возмущение его глупостью и безответственностью.

– Что ты мелешь? – Братец подтащил меня к двери своей

комнаты, вдруг охнул, согнулся пополам и убежал в туалет.

– Может, курица была чуток жирновата? – озадаченно почесав в затылке, где еще сохранилось немного волос, спросил папа.

И принялся вслух рассуждать, что будет, если заменить инородные русскому организму бананы и ананасы привычной картошкой и яблоками. Не слушая его, я толкнула дверь в комнату брата. Она была заперта. Тогда я опустилась на корточки и прикинула глазом к замочной скважине.

В темноте за дверью призрачно белело нечто весьма объемное, вроде пододеяльника, который сначала раздуло ветром, а потом крепко прихватило морозом.

– Что за чертовщина? – воскликнула я.

– Дай-ка! – папуля ловко потеснил меня и тоже заглянул в скважину. – Хм... Может, это мамина муза ошиблась комнатой?

Я призадумалась.

Муза – вдохновительница ужастиков, по идее, должна иметь наружность настоящего монстра. Возможно, это крупногабаритное привидение действительно ошиблось адресом и попало вместо мамули к Зяме?

– Басенька, выйди к нам! – возвысил голос папуля.

Бася, то есть Барбара, она же Варвара по паспорту – это наша мамуля. На зов она величественно выплыла в коридор и коротко спросила:

– Ну?

– Взгляни, пожалуйста, это не твое? – попросил папуля, уступая супруге место у замочной скважины.

– Я смотрю, все в сборе и готовы к презентации? – из туалета вышел повеселевший Зяма. – Секундочку, сейчас я открою. Вуаля!

– Гос-с-поди! – прошептала мамуля.

Папуля закашлялся, подавившись восклицанием, а я молчала. У меня просто не было слов!

Посреди Зяминой комнаты высился объект, конфигурация которого идеально подпадала под определение «поперек себя шире». Он был укрыт белой простыней, из-под которой торчали тонкие коричневые ножки, непристойно широко расставленные. У меня промелькнула мысль, что на сей раз Зяма сильно переборщил со своей любовью к крупным формам! Хотя ножки для такой массивной туши откровенно тонковаты, похоже, наша мулатка не отличается пропорциональностью фигуры...

– Вуаля! – Зяма щелкнул выключателем, и в комнате зажегся свет. – И еще вуаля! – братец широким жестом сдержнул маскировочную простыню.

Вздых облегчения вырвался из моей груди.

– Твоя Хельга – шкаф?! – изумился папуля.

– Не просто шкаф, а настоящее сокровище! – с чувством вскричал Зяма.

Он сдул с полированной поверхности невидимую пылинку, потер стекло манжетой рубашки, полюбовался сверкаю-

щей золотой решеткой и гордо обернулся к нам:

– Ну, что скажете?

Мне хотелось сказать, что я очень рада тому, что мне не придется жить под одной крышей с темнокожей беженкой из дома терпимости, но Зяма меня не понял бы. Поэтому я осторожно сказала:

– Очень миленький шкафчик. Только не вполне гармонирует с общей обстановкой.

«Не вполне гармонирует» – это еще мягко было сказано! Апартаменты моего брата – это его визитная карточка дизайнера. Апофигей художественного вкуса! Стены в комнате выкрашены в разные цвета и в самых неожиданных местах зияют нишами, которые лично мне неприятно напоминают о колумбарии. На дощатом полу в строго продуманном беспорядке валяются дегенеративные меховые коврики, которые формой и фактурой напоминаютдохлых кошек, но выскакивают из-под ног, как живые. Из предметов мебели я могу с полной уверенностью опознать только стеллаж и тахту.

– А мне нравится! – объявил папуля. – Сразу видно, с чем имеешь дело: определено это шкаф!

Я ухмыльнулась. Папуля по своей дизайнерской безграмотности однажды неосторожно присел у Зямы на какой-то оригинальный осветительный прибор, перепутав его с табуреткой, и с тех пор заходит в комнату сына со своим складным стульчиком. Специально оставляет это сидячее место в углу прихожей, вблизи Зяминой двери.

– Мама? – брат требовательно посмотрел на мамулю.

– Дежавю! – сказала она и воззвала к папе: – Борис, неужто ты позабыл? Лет тридцать назад, еще на старой квартире, у нас с тобой был почти такой же шкаф, потом мы отдали его Грушкиным, и они изрядно намучились, спуская эту одороблу с пятого этажа без лифта...

– У вас была «Хельга» – и вы от нее избавились? – не поверил Зяма. – Сумасшедшие! Вы знаете, сколько она сейчас стоит?

– Сколько? – с острым интересом спросила я.

Зяма подозрительно замялся:

– Ну... Пантюхину обошлась в копеечку!

– Так это шкаф для Пантюхина? – сообразила я. – Тот самый крупный предмет интерьера, который должен держать на себе все организованное пространство комнаты?

Я цитировала Зямины собственные слова наизусть, потому что про Пантюхина и его эпохальный заказ братец уже прожужжал мне все уши.

Семен Пантюхин, известный в определенных кругах как Сема Понт, к пятидесяти годам сколотил капиталец на торговле бензином, получил все блага жизни оптом и начал испытывать ностальгию по «старым временам». Не настолько старым, как древнеегипетские фрески, всего лишь по отечественному «застою». Смутно тоскуя по очередям за разливным «Жигулевским», вареной колбасе «по два двадцать», умильной передаче «Радионяня» и трансляциям футбол-

ных матчей с комментариями Озерова, делец выделил в своем многоэтажном белокаменном особняке специальное помещение под Музей жизни и быта юного Семена Пантюхина. Просторную комнату специально перепланировали, чтобы имитировать малогабаритную двухкомнатную «хрущевку», а Зяму пригласили оформить интерьер соответственно эпохе.

Ох, и намучился мой братец с этим заказом! Он лично искал на складе неликвидов печатной фабрики бумажные обои в страшненький разлапистый цветочек и потом внимательно наблюдал за их наклейкой. Он сам прибивал к стене аляповатый ковер «Русская красавица» и вешал на него мехового утенка, совмещающего функции украшения и сумочки для детской пижамы. Он обегал все комиссионные магазины в поисках подходящей мебели и жутко радовался, выклянчив у знакомой старушки тонконогий журнальный столик с выдвижным ящичком неизвестного назначения. Понятно, что обретение шкафа «Хельга» в хорошем состоянии привело Зяму в состояние, близкое к эйфории.

Я решила, что не буду портить брату удовольствие от праздника, имя которому «Хельга», и удалилась в свою комнату. Мне нужно было склеить свое разбитое сердце.

В отличие от Зямы, я не претендую на художественное оформление интерьера, и моя комната обставлена и декорирована довольно бестолково и разностильно, но мне в ней хорошо и уютно. Забравшись с ногами в огромное кресло, по-

хожее на облезлого плюшевого медведя, я укуталась пледом и пустила слезу. Правда, больше, чем одну-единственную, я выжать из себя не смогла. Честно говоря, Хомкин никогда не был моей великой и единственной любовью, и в глубине души я даже радовалась тому, что мне не придется весь остаток жизни лицезреть его тусклую физиономию. Пусть его мордой, похожей на маслянистый блин, любитесь надувная секретарша!

В соседней комнате бубнили голоса. Мамуля разглядела на дверце шкафа инкрустацию – изображение вставшего на дыбы единорога – и сочла это очень дурной приметой. Она авторитетно сообщила Зяме, что единороги терпимо относятся только к невинным девам, а молодых и полных сил мужчин – таких, как он сам, – терпеть не могут и всячески им вредят. Посему мамуля настоятельно рекомендовала Зяме подготовиться к ужасным бедам и испытаниям и с тем удалилась на вечернюю прогулку. Я понадеялась, что где-нибудь во дворе ей все-таки встретится загулявшая муза кошмаров и страшилок, и она наконец выйдет из роли грозной пифии.

Родственники угомонились, в доме стало тихо. Чтобы успокоиться и отвлечься, я немного почитала книжку, выбрав томик Уэстлейка: сто раз читанный «Проклятый изумруд» неизменно заставлял меня смеяться, и вдобавок в сюжете этого замечательного произведения не было ни одной любовной линии. Описание какой-нибудь жаркой постель-

ной сцены в этот момент могло меня сильно расстроить.

За окнами окончательно стемнело, поэтому я выключила торшер и зажгла верхний свет. Тут же в дверь поскребся папуля. Спросив, не сплю ли я – это при полной-то иллюминации! – он предложил мне попробовать безалкогольный фруктовый коктейль. Вероятно, ингредиентами для витаминного напитка стали ананасы и бананы, оставшиеся после приготовления курицы.

Подумав, я решила все-таки пригубить папулино фруктовое пойло, но не успела. В прихожей я услышала частый энергичный стук.

– Я открою! – сообщила я выглянувшему из кухни папуле и открыла дверь.

За дверью никого не было. Вернее, я никого не увидела, потому что стучавший находился существенно ниже линии моего вопросительного взгляда. Я пожала плечами и хотела уже захлопнуть дверь, но тут снизу послышалось громкое и отчетливое, хотя и довольно бессмысленное восклицание:

– Gay!

На резиновом коврикe сидела собака породы бассет-хаунд: здоровенный пес, очертаньями смахивающий на крепкую садовую скамью на кривых ногах. В зубах пес держал шляпу.

– Дожились! – сокрушенно воскликнул папуля, который не удержался и прибежал посмотреть, кто это облаивает его дочурку. – Уже собачки подаяния просят! Индюшечка, у те-

бя есть мелкие деньги? Я думаю, надо подать собачке на «Педигри-пал»!

В подъезде послышались тяжелые шаги, из-за поворота лестничного марша выбежал мужчина в спортивном костюме. Он тяжело дышал и прижимал руку к сердцу – не думаю, что это было вежливое приветствие, адресованное нам с папулей. Скорее мужик запыхался, взбежав на наш седьмой этаж без лифта. В другой руке он сжимал собачий поводок.

– Барклай! – сердито выдохнул бегун-высотник. – Сколько раз тебе объяснять, в этом доме есть лифт!

– Это ваша? – спросил папуля, указывая на собаку.

Он уже успел приготовить десятку и теперь мешкал, не зная, опускать ли ее в собачью шляпу. Хозяин Барклая не производил впечатления бедствующего, костюм на нем был новый, модный, кроссовки дорогие. Как-то не похоже было, что он приделся на собачьи подаяния.

– Нет, это ваша! – ответил незнакомец.

Он приблизился к открытой двери и с интересом посмотрел на мои ноги. Скажу без ложной скромности, ему было на что посмотреть! Ноги у меня длинные, стройные, и домашние шортики нимало не скрывают их красоты.

– Наша собака? – искренне удивился папа. – Нет, что вы! У нас нет собаки! Ведь нет же?

Папуля обернулся ко мне. Я утвердительно кивнула, а потом еще покачала головой, подтверждая, что собаки у нас действительно нет. Давно прошли те времена, когда мы с Зя-

мой втайне от родителей подбирали во дворе симпатичных щеночков и устраивали им конспиративную квартиру под двухъярусной кроватью в детской.

– Собака моя. Денис! – резко кивнул мужчина.

– А разве не Барклай? – удивилась я.

– Он – Барклай, я – Денис! Мы живем этажом выше, – развеял мое недоумение собачник.

– А, новый сосед сверху! – обрадовался папуля. – Очень рады! Надеюсь, вы не будете нас заливать?

– Тогда мы будем рады еще больше, – сказала я, приветливо улыбнувшись.

Новый сосед мне понравился: стройный, симпатичный и, что особенно приятно, существенно выше меня ростом. Я в претензии к матушке-природе по поводу создания ею низкорослых мужчин, потому что малочисленность популяции великанов снижает мои собственные шансы на обретение подходящей пары. У меня, как уже говорилось, своих сто семьдесят пять сэмэ, плюс примерно полтора дециметра парадного каблука – получается, что мне нужен кавалер формата «без десяти два» и выше. Мерзавец Хомкин, кстати говоря, в свое время пленил меня именно тем, что вполне сопоставим по росту с молодым жирафом.

– Барклай хотел отдать вам это! – Денис аккуратно высвободил из собачьих зубов шляпу и протянул ее мне.

Моя светлая улыбка мгновенно потускнела. При ближайшем рассмотрении я узнала этот головной убор: круглая

шляпа из белой рисовой соломки принадлежала нашей мамуле. Летом муттер всегда надевает ее, отправляясь на свою вечернюю прогулку. Смысл этого действия долго оставался для меня загадкой, потому как мамулины шансы получить в вечерних сумерках солнечный удар равняются нулю, но Зяма предположил, что огромная белая шляпа – это своего рода опознавательный знак для поклонников мамулиного таланта. Увидев эту гигантскую бледную поганку, они сбегаются к ней за очередной порцией литературной жути.

– Мы нашли это в песочнице, – пояснил Денис.

– Скажите, а в этой песочнице не было других посторонних вложений? – заволновался папуля. – Скажем, симпатичной дамы средних лет?

– И дюжины пацанят с круглыми от ужаса глазами? – добавила я.

– Э-э... Нет, ничего такого в песочнице не было, я бы заметил, – немного растерянно ответил сосед.

– Возможно, они опять переместились в подвал? – задумался папа. – Надо пойти посмотреть.

Я кивнула. В прошлом месяце мамуля и ее юные приятели устроили клуб любителей страхов и ужасов в подвале нашего дома. Видите ли, антураж там был более подходящий! Произведение, которое читала деткам мамуля, называлось «Одинокая рука» и живописало приключения отдельно взятой конечности в перенаселенном больничном морге. Для пущего эффекта затейники набили мокрым песком ре-

зиновую медицинскую перчатку и передавали ее друг другу по кругу, радостно взвизгивая. А папуля, который в поисках мамули первым из нас ворвался в подвал, случайно сцапал именно эту ледяную лапу и завопил так, что маленькие любители кошмаров потом с неделю ночами писались в кровати!

– Позови Зяму, – попросил папуля, поежившись.

Кажется, он все еще не забыл, как прикоснулся к «одинокой руке».

Про соседа с собакой мы забыли и даже не заметили, как они удалились. Я сунулась в комнату к Зяме, подняла братца по тревоге, сбегала к себе и заменила шорты на брюки. Когда я вернулась в прихожую, папа и Зяма уже были там, готовые к выходу. Зяма напялил старые джинсы с художественными прорехами и взял фонарик. Папа был в рабочем комбинезоне и держал на плече бухту веревки. Чувствовалось, что они готовы искать мамулю в самых неожиданных и неудобных местах. Чтобы соответствовать им, я дополнила экипировку ломиком, лежавшим в кладовке. Его удалось довольно удобно прицепить на ремень штанов.

– Пошли! – скомандовал папуля.

Мы пошли и провели следующие два часа весьма насыщенно и интересно. Посвечивая фонариком и помахивая ломиком, мы совершили продолжительную и обстоятельную экскурсию по подъездам, подвалам, подворотням и разным темным закоулкам просторного двора. Не ленились загляды-

вать в коммуникационные люки и канализационные коллекторы, а Зяма даже покричал «Ау!» в дупло старого дуба. В двенадцатом часу ночи народу нам встретилось немного, и это были не детки, а взрослые граждане, отнюдь не похожие на любителей страшных историй. Наоборот, они испуганно шарахались от нашей компании, некоторые даже крестились и говорили: «Чур меня, нечистая!» Чистыми мы и в самом деле не были: в подвальных помещениях имелось немало пыли и грязи, а в контейнерах помойки, которые мы тоже проинспектировали на всякий случай, нашлось много мелкого прилипчивого мусора.

– Предлагаю заглянуть на чердак! – сказал Зяма, когда мы уже почти отчаялись обнаружить местонахождение пропавшей мамули.

– Действительно, в доме ведь есть чердак! – обрадованный папуля решительно зашагал к подъезду.

Скрипучий лифт неспешно вознес нас на последний, девятый этаж. Взяв у меня ломик, Зяма энергично взобрался по металлической лесенке к люку в потолке и попытался его открыть. Люк сопротивлялся, Зяма не отступал. Я снизу подсвечивала ему фонариком, а папуля придерживал раскачивающуюся лестницу.

В этой диспозиции и нашли нас кем-то вызванные милиционеры.

Капитан милиции Александр Николаевич Клюев задер-

жался на работе, чтобы отпраздновать день рождения дочери Катюши в кругу сослуживцев. Вообще говоря, можно было отметить это торжество и в кругу семьи, в присутствии самой именинницы, но домашний праздник, капитан Клюев знал это, никуда не уйдет. Наоборот, вступит со временем в наиболее приятную фазу: уйдут малолетние гости, жена уберет сладкий стол и выставит «горькую», ворчливая теща удалится в свою комнату на покой. Тут-то и появится глава семьи, с подарком и в хорошем настроении.

Подарок для Катюшки – складной детский домик, похожий на туристическую палатку, был уже готов, Клюев еще вчера приобрел его в игрушечном магазине, расположение которого на территории участка гарантировало капитану существенную скидку. Аккуратно сложенный и упакованный в прозрачный пластик, домик размером и формой напоминал пляжную сумку. Смотреть на него было приятно.

– Ну, за новорожденную! – в очередной раз произнес сержант Бобров, ловко наполнив стопки чистой, как слеза, водкой, презентованной дорогой и любимой милиции владельцем соседнего продовольственного магазина.

Курсанты милицейской школы Вася Зубов и Гена Рябых вежливо пригубили и оставили рюмки. Парни только начали вживаться в суровые милицейские будни и еще не приобрели необходимых профессиональных навыков. Зато азарта у них по молодости было через край: едва в кабинете затрезвонил телефон, шустрый Вася сцапал трубку, не вник-

нув, что старший товарищ сержант Бобров подает ему недвусмысленные знаки, отрицательно размахивая рукой. Подумав, что сержант разгоняет водочные пары, Вася с радостной готовностью гаркнул в трубку:

– Милиция!

Он немного послушал и картинно посуровел лицом:

– Да, сейчас будем!

Сержант Бобров страдальчески сморщился. Капитан Ключев развел руками – мол, что возьмешь с салажонка!

– Что там? – со вздохом поинтересовался Бобров.

– Во дворе дома номер семнадцать шныряют какие-то подозрительные личности! – отрапортовал милиционер-салажонка Вася. – Три человека, все в спортивной одежде, с фонариком, веревкой и фомкой! Долго шастали по двору, а потом полезли в первый подъезд, и уже минут пять их не видно! Можно, мы с Генкой сбегает посмотреть, что к чему?

Вася возбужденно блеснул глазами и даже рот разинул, нетерпеливо дожидаясь разрешения стартовать в направлении первого подъезда дома номер семнадцать. Гена выглядел аналогичным образом. По мнению умудренного жизненным опытом капитана Ключева, курсанты выглядели точь-в-точь как пара щенков: два остроухих «овчаренка», нетерпеливо повизгивающих в ожидании команды «Гулять!».

– Гулять! – разрешил Ключев. – То есть приказываю прояснить обстановку в районе первого подъезда семнадцатого дома!

– Есть! – твякнули курсанты, срываясь с места в карьер.

– Эх, молодо-зелено! – сержант Бобров проводил парней отеческой улыбкой и вновь потянулся к рюмке.

Однако с уходом салажат компания стала некомфортно мала, поэтому Ключев жестом попросил подчиненного повременить и спросил:

– А что там Ладошкин телится?

– Гражданочку принимает, – ответил Бобров. – Гражданочка пришла с жалобой, ограбили ее нынче вечером, прямо во дворе родного дома!

– Какой дом? – спросил капитан.

– Семнадцатый, – ответил сержант. И встрепенулся: – Ты думаешь... Отличились эти трое с фомкой и фонариком?

– Пойдем-ка, расспросим гражданочку, – Ключев тяжело встал из-за стола и двинулся в соседний кабинет.

– Итак, я читаю. – Ладошкин откашлялся и скучным речитативом затянул нараспев, как деревенский дьячок: – Сего дня, сего года, в двадцать часов сорок пять минут я без определенной цели вышла из своего дома номер семнадцать, квартира сорок восемь, и присоединилась к компании малолетних граждан в детской песочнице. Примерно через полчаса мои собут... тьфу, собеседники разошлись, и я осталась одна.

– Ах, нет, вы очень плохо все это написали, совсем не выразительно! – с досадой произнес женский голос. – Вот по-

слушайте, как надо!

– Отчего же не послушать, послушаем! – согласился вошедший капитан Клюев, опускаясь на стульчик.

Быстроногие милицейские юноши Вася и Гена вернулись со своего первого задержания минут через пятнадцать, ведя в поводу троицу подозрительных лиц, из коих одно было женским и вполне симпатичным.

– Сопротивления не оказывали? – нарочито грозно сведя брови, спросил лейтенант Лadoшкин, который на одну минуточку вышел из кабинета, чтобы посетить туалет.

– Да нет, – с явным сожалением ответил курсант Вася.

– Мы сами хотели обратиться в милицию! – громким голосом сообщил лысоватый дядечка в синем сатиновом комбинезоне.

– У нас мама пропала! – сказал лохматый парень в дырявых джинсах.

– Разберемся, – пообещал Лadoшкин, поспешно возвращаясь в кабинет.

В приоткрывшуюся дверь курсант Гена увидел капитана Клюева и сержанта Боброва. Суровые менты сидели рядышком на твердых стульях для посетителей, сложив руки на коленках, как воспитанники детского сада, и приоткрыв рты.

– В черном-черном небе сияли белые-белые звезды, – вдохновенно повествовала невидимая рассказчица. – Их свет колол мне глаза, проникая в мозг, где зарождался ди-

кий, животный страх. Я вдруг поняла, что призраки, обратившие меня в оцепенение, по-прежнему где-то рядом! Ледяное дыхание смерти пронеслось над темным колодцем двора, я вздрогнула всем телом и, словно молитву, истово прошептала одно-единственное короткое слово...

– Какое? – замирающим голосом спросил сержант Бобров, не перенеся затянувшейся драматической паузы. – «О господи!»

Захваченный повествованием капитан Ключев тихо грыз ногти.

– Да нет, не «господи», – вполне нормальным голосом ответила женщина. – Я сказала: «Блин!» А что еще я могла сказать, сообразив, что у меня свистнули сумочку с кошельком, документами и мобильным телефоном?

– Ну, я бы, например, сказал в такой ситуации примерно следующее, – сержант Бобров набрал в грудь побольше воздуха, но не успел озвучить свой вариант текста.

Дверь в кабинет распахнулась, и в проем сунулись сразу три озабоченные физиономии.

– Мамуля! – в хоровом крике соединились облегчение и негодование. – Ты здесь?!

– Ну, знаешь, Басенька, это уже слишком! – возмущался папуля, конвоируя мамулю к дому. – Рассказывать страшные сказки детворе – это еще куда ни шло, но запугивать милиционеров, находящихся при исполнении служебных обязан-

ностей, это уже никуда не годится! Зачем, ну, зачем ты меняешь адресную аудиторию? Твой читатель – не суровый мужик в погонах, а впечатлительный подросток!

– Суровые менты в погонах чуть не описались, когда я рассказывала о том, как подверглась нападению, – с глубоким удовлетворением сказала мамуля. – Хорошо, у них туалет рядом, хоть штанов не замочили!

Голос у нее был такой довольный, что я сочла нужным заметить:

– Не пойму я, чему ты радуешься! Тебя ограбили, по голове стукнули и под лавочку затолкали, как мешок с картошкой!

– В следующий раз обязательно заглянем под лавочки, – пробормотал Зяма.

– Я очень надеюсь, что следующего раза не будет, – сказала мамуля. – Что это вы на меня все накинулись? Я же не виновата, что стала жертвой грабителей!

– Ладно, инцидент с грабителями мы тебе прощаем, – согласился Зяма, – и обмочившихся ментов мне лично не очень жалко. Но зачем ты потрепала нервы нам? Почему пошла не домой, а в милицию?

– Что за вопрос? – Мамуля всерьез обиделась. – Я законопослушная гражданка! Если по нашему мирному двору под покровом ночи шастают какие-то темные личности, я должна была оповестить об этом соответствующие органы! Ведь еще кто-нибудь, кроме меня, мог попасть в рискованную си-

туацию!

– Кроме тебя, в рискованную ситуацию попали мы трое, – желчно сказала я. – Именно нас другие законопослушные граждане посчитали темными личностями!

– И оповестили об этом соответствующие органы! – поддакнул Зяма. – Хорошо еще, у милиционеров, которые прибежали нас арестовывать, почему-то не было пистолетов, а то перестреляли бы нас, как котят!

– Представляю, Басенька, как вдохновили бы тебя наши похороны! – вздохнул папуля.

Под давлением общественности мамуля поникла и виновато замолчала. Лифт, поднимающий нас к родным пенатам на седьмом этаже, и тот, казалось, гудел укоризненно! В тишине, нарушаемой триединым сердитым сопением, мы подошли к двери, папа открыл ее своим ключом, пропустил вперед маму и строго сказал ей в спину:

– И чтобы впредь подобное не повторялось!

Подавленная мамуля даже не стала уточнять, что именно впредь не должно повторяться – вечерние прогулки, встречи с грабителями или посиделки с ментами. Сокрушенно шаркая тапочками, она удалилась в свою комнату. Через минуту там застрекотала печатная машинка. Мы с папой переглянулись.

– Она все-таки пришла! – произнес папуля.

В голосе его читалась глубокая признательность музе, удостоившей мамулю своим посещением. Теперь наша ма-

ма была надежно нейтрализована: пока она не оцциплет свою крылатую вдохновительницу до последнего перышка, никакого общения с внешним миром не будет.

– Пойду, сварю кофе, – папуля заторопился на кухню.

Я медленно стащила с гудящих ног кроссовки, надела тапочки и уже толкнула свою дверь, когда в комнате брата раздался крик.

– О господи! – возопил Зяма в полном соответствии со сценарием милицейского сержанта.

– Блин! – сказала я. – Что за вечер сегодня? Многосерийный кошмар!

Я сосчитала до трех и решительно направилась в комнату Зямы, намереваясь надавать братишке по шее, если выяснится, что причиной негодующего вопля стал сломанный ноготь или замеченный под потолком паучок. Я понимаю, что у дизайнера тонкая нервная организация, но не до такой же степени!

Закатывая на ходу рукава джемпера, я шагнула в Зямину светлицу и в первый момент не поняла, отчего это в комнате так просторно. Потом невероятная правда дошла до моего замутненного усталостью и переживаниями сознания, и я тоже сказала:

– О господи!

– Что, что случилось?! – теряя тапки, примчался из кухни папа с дымящейся туркой в руке.

– Ну, что еще? – недовольно спросила мама, выглянув из

своей кельи.

Зяма, рапластавшийся на паркетном полу, как еще один оригинальный коврик, в бессильной ярости колотил кулаками по полированным доскам.

– Нас обокрали, – стараясь сохранять хладнокровие, объяснила я испуганному папе и раздраженной мамуле. – Пока мы бродили по двору и торчали в отделении, кто-то спер Зямину «Хельгу»!

– Ах, зачем же так орать? – поморщившись, мамуля решительно протянула руку к телефону. – Алло, это милиция? Капитан Клюев? Ах, это сержант Бобров! Еще раз добрый вечер, дорогой сержант! Это Варвара Петровна, да-да, писательница... Странно, связь оборвалась!

Мамуля недоуменно посмотрела на трубку, издающую противный мышинный писк. Зяма выразительно хмыкнул. Всем, кроме самой мамули, было понятно, что сержант Бобров бросил трубку, не желая общением с писательницей Варварой Петровной наживать себе ночные кошмары. Зяма забрал трубку, повторил последний вызов и мужественным баритоном произнес:

– Милиция? Здравствуйте! У нас ЧП, дом семнадцать, первый подъезд... Что за черт?

Трубка снова издевательски запищала.

– Позвольте, я попробую! – папа протиснулся к телефону и набрал номер отделения. – Здравствуйте, у нас ограбление!

Я поспешно протянула руку поверх папиного плеча и

включила громкую связь, чтобы мы все могли слышать милицейского товарища.

– Адрес, – без эмоций произнес хриплый голос.

– Это тут, рядом, в соседнем с вами дворе, – уклончиво ответил папуля.

– Взлом? Проникновение?

– Нет-нет, замок исправен, дверь цела, окна закрыты, и вообще, у нас седьмой этаж... Но «Хельга» пропала!

– Хельга – это кто?

– Это шкаф, – любезно пояснил папуля.

На другом конце провода воцарилось молчание. Нетерпеливый Зяма сунулся к динамику, но я зажала ему рот ладонью. Если братец снова скажет, что Хельга – чистопородная немка шоколадного цвета со стеклами в золоте, это здорово дезориентирует ментов!

– Какой шкаф? Несгораемый? – спросил наконец бас.

Я поняла, что ему хочется понять, в чем ценность похищенного у нас предмета мебели. А уж как это хотелось понять мне самой!

– Несгораемый? – папуля задумался. – Честно говоря, не знаю. Мы еще не пробовали его поджигать.

– А что было в шкафу?

– Ничего не было, – на этот вопрос папуля ответил легко. – Шкаф был абсолютно пуст!

– Поня-атно, – протянул невидимый милицейский товарищ таким озадаченным тоном, который яснее ясного гово-

рил о том, что ничего ему не понятно. – Значит, из наглухо запертой квартиры на седьмом этаже сам собой испарился пустой шкаф, так?

– Совершенно верно! Мы можем вызвать бригаду сыщиков? – чуточку нетерпеливо спросил папуля.

– Лучше вызовите бригаду «Скорой помощи»! – посоветовал бас, и трубка вновь засигналила об обрыве связи.

– Мне кажется, нас не приняли всерьез! – папуля развел руками.

– Вы сами не приняли всерьез меня! – напомнила мама, явно подготовившись вещать. – А ведь я предупреждала вас, что единорог – это к великим и многочисленным несчастьям!

– Мамуля, иди работать! – в один голос вскричали мы с Зямой.

– Басенька, я тебя провожу! – Папуля обнял мамулю за плечи и повел в комнату, чтобы с рук на руки передать разбушевавшуюся прорицательницу музе-усмирительнице.

Зяма побарабанил пальцами по дверному косяку, потом метнулся в свою комнату, погромел там ящиками и вернулся в прихожую с потертой записной книжкой.

– Вот: «Грушкина Верочка», – он нашел нужную запись и тут же принялся набирать телефонный номер.

– Откуда у тебя Веркин номер? – прищурилась я. – Мы же с ней уже сто лет не виделись, с детских утренников в садике!

– Это ты с ней не виделась, а я раз или два встречался пару

лет назад, – скороговоркой ответил Зяма и тут же сменил колючий голос на велюровый баритон: – Верунька, зайка, это Казимир Кузнецов!

Трубка взорвалась руганью, и Зяма, поморщившись, отставил ее подальше от уха. Я с интересом наблюдала за ним.

– Верунька, ну, прости! – Чеширским котом промурлыкал братец. – Я понял, что ты достойна лучшего, и удалился, чтобы не тревожить твой покой, вот и все.

– А теперь зачем тревожишь? – сердито поинтересовалась Верка – дочка старых приятелей наших родителей, тети Кати и дяди Жоры Грушковых.

– Вопрос жизни и смерти! – с чувством произнес Зяма.

– Твоей? – с надеждой уточнила Верка.

– Массовой! – соврал Зяма. – Верунька, отвечай мне правду и только правду! У вас в доме сохранился немецкий шкаф «Хельга», который мои родители подарили твоим лет тридцать назад?

– Нет, не сохранился! – с удовольствием ответила свидетельница. – Я эту допотопную гробину в прошлом году лично выволокла на помойку! Не в одиночку, конечно, а с помощью грузчиков из мебельного магазина. Они нам новый набор кожаной мягкой мебели привезли, а эта чертова «Хельга» мешала расставить все по уму. Так я спровадила предков к соседям – вроде чтобы они не путались под ногами у грузчиков и не порывались по совковой привычке сами мебель тягать, да «Хельгу»-то на помойку и наладила!

– Верунька, знаешь, что я тебе скажу? Ты варварша и вандалка! – с болью в сердце вскричал Зяма и бросил трубку на рычаг.

– И чего ты так расстраиваешься? – спросила я братца. – Видишь, у Грушкиных тоже нет «Хельги», а живут люди и не жалуется!

Зяма устремил на меня тяжелый взгляд, и я почувствовала себя кошкой, на которую надвигается грузовик.

– Так! – пугающе воскликнул братец, после чего втолкнул меня в комнату, закрыл за собой дверь и сказал:

– Индиана Джонс, мне нужна твоя помощь!

Обращение заставило меня насторожиться. Индиана Джонс! Так братишка называет меня лишь тогда, когда хочет польстить, а это бывает крайне редко. Гораздо больше Зяме нравится именовать меня Индейкой, и я много лет потратила на то, чтобы приучить братца и остальных родственничков хотя бы в присутствии посторонних называть меня просто Инной.

Дело в том, что у меня совершенно не человеческое имя: Индия! Индия Борисовна Кузнецова – как вам? Я считаю, что мое имя – это самый короткий и самый страшный мамулин ужастик. Моему брату Зяме повезло гораздо больше: Казимир – имечко, конечно, выпендренное, но для дизайнера сойдет. Братец хотя бы может утешаться тем, что он тезка знаменитого художника Казимира Малевича. А мне чем утешаться? Существованием одноименной страны? Так уроки

географии в школьные годы были для меня сущей пыткой, и до сих пор при виде карты мира я с трудом сдерживаю слезы. Впрочем, Казимир наш тоже, помнится, обрыдался, когда лет в десять получил первую любовную записочку от одноклассницы. Послание начиналось словами: «Дорогой Козий Мир!»

В шестнадцать лет, получая паспорт, я всерьез подумывала, не поменять ли имя, но папуля меня отговорил. Он сказал, что это разобьет мамуле сердце, ведь она так старалась придумать для любимой дочурки оригинальное, неизбитое имя. Теперь я представляюсь новым знакомым как Инесса, но для домашних все равно остаюсь Индейкой, Индюшкой и Индусечкой.

– Какая тебе нужна помощь, Зяма? – спросила я братца.

– Нужно вернуть «Хельгу»! – Зяма прошел к моему любимому креслу и тяжело бухнулся в него.

– Обратись в милицию.

– Еще раз?! – Зяма демонически захохотал. – Ни за что! Нет, сестричка, «Хельгу» мы должны вернуть сами, своими силами.

– Мы должны? – я сделала акцент на местоимении.

– Мы, – твердо сказал Зяма. – Если, конечно, ты не хочешь остаться единственным ребенком в семье. Индюха, пойми, если к концу недели «Хельга» не будет стоять на своем месте в пантюхинском музее, мне конец! Он меня убьет!

– Уж так прямо и убьет! – не поверила я. – За какой-то

паршивый шкаф? Возмести ему стоимость пропавшей мебели деньгами – и все дела.

Зяма застонал и с преувеличенной силой рванул себя за волосы. При этом одним глазом он косил на публику в моем лице, оценивая произведенное впечатление. Поскольку я не прониклась этой карикатурной демонстрацией скорби, Зяма выдрал из скальпа всего пару волосков и попытался воздействовать на меня словами. Слова сложились в рассказ, который сделал бы честь нашей мамуле.

Оказалось, что на покупку «Хельги», которую наш дизайнер расписал неискушенному заказчику в самых ярких красках, Зяма получил очень и очень приличную сумму наличных долларов. Хватило бы, чтобы скупить на корню обстановку целого зала мебельного магазина. Причем эти деньги мот и транжира Зяма уже успел прогулять.

– Но это еще полбеды, – сказал братишка. – Хуже всего то, что в субботу Пантюхин устраивает презентацию своего музея! Он уже и приглашения важным гостям отправил, и прессу позвал для освещения этого события века!

– А нас не позвали! – машинально сказала я.

Я работаю в рекламно-информационном агентстве «Эм Би Си». Трехбуквенное название с «закосом» под знаменитую заокеанскую телекомпанию NBC означает всего лишь аббревиатуру ФИО нашего директора: Михаил Брониславович Савицкий. Мы занимаемся всем понемножку и ничем особенным: пописываем статейки в газетки, журнальчики,

размещаем информацию в Интернете, берем заказы на изготовление нехитрой рекламы и фирменной сувенирной продукции. Бегать по презентациям тоже приходится.

– А вас позовут на мои похороны, если к выходным Понт не увидит свою во всех смыслах дорогую «Хельгу»! – резюмировал Зяма.

Похороны родного и более или менее любимого брата не казались мне заманчивым мероприятием, поэтому я перестала кочевряжиться и спросила по существу:

– Конкретно, Зяма, чего ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты стала моим Шерлоком Холмсом!

Я вообразила, как с большой лупой в руке крадусь по следам, оставленным в городской пыли ножками беглого шкафа, и захихикала, но пересказывать свое видение Зяме не стала. Прагматично спросила:

– Чего это ради мне переквалифицироваться в сыщики? Ведь все пантюхинские доллары на «Хельгу» ты уже просадил, на какое же вознаграждение я могу рассчитывать?

– Эх, ладно! – Зяма размашисто ударил себя по коленке. – Так и быть! Я помогу тебе охмурить Ваньку!

– По рукам! – тут же вскричала я, спеша согласиться, пока братец не передумал.

Ваня Горин – это Зямин лучший друг, тоже дизайнер, но специализирующийся на полиграфической продукции. Чертовски привлекательный парень, на которого я уже второй год охочусь, как терпеливый чукча на редкого пушного зве-

ря: ставлю капканы, рою ямы, придумываю всяческие ловушки и разбрасываю приманки разной степени ядовитости. Увы, Ванька умудряется все мои силки обходить и даже не замечает моего охотничьего азарта. Или делает вид, что не замечает! До сих пор Зяма из соображений мужской солидарности и верности законам товарищества отказывался помочь мне заарканить своего друга, а теперь, значит, созрел для предательства!

Я с трудом удержалась от эмоционального вопля, которым сопровождали свое победоносное движение по тропе войны кровожадные индейцы, притушила алчный блеск в глазах и с доброй улыбкой сказала своему бледнолицему брату:

– Иди-ка ты спать, Зяма! На дворе давно ночь, сейчас мы с тобой ничего толкового не предпримем, а завтра я что-нибудь придумаю. Утро вечера мудренее!

Зяма послушно вымелся из моей комнаты, а я завалилась спать и, засыпая, улыбалась, словно прошедший день не был нафарширован неприятностями, как папулина курица заморскими фруктами.

Глава 2

Наутро я проснулась с мыслью, которая показалась мне весьма дельной. Зяме я доступно изложила ее в виде многоступенчатого логического умозаключения.

– Первое! – сказала я, намазывая маслом первую булочку из числа испеченных папулей к завтраку. – Дверной замок и сама дверь квартиры, из которой пропала «Хельга», целы и невредимы. При этом вероятность того, что похитители проникли в окно, в принципе не исключается, однако вытащить в то же окно шкаф они определенно не могли. И не потому даже, что мы живем на седьмом этаже – я могла бы придумать с десятков способов более или менее благополучно спустить стибренную «Хельгу» с высоты...

– Как, например? – некстати задал вопрос любознательный папуля.

– Например, на веревках, на машине с подъемником, в коляске мойщика окон или на дирижабле, – я не затруднилась с ответом. – Только ничего такого быть не могло, потому что эта громадина – Зямина дорогая «Хельга» – не пролезла бы в окно. Все улавливают ход моих мыслей?

Я критически посмотрела на Зяму. Братец имел бледный вид. Вчера ночью, когда мы разошлись по комнатам, он не отправился на боковую, а принялся снимать стресс старым проверенным способом – с помощью спиртного. Причем,

как натура утонченная, не стал банально глушить чистую водку, а вдохновенно смешал ее с папулиным фруктовым пойлом. Уж не знаю, какая из составляющих Зяминого коктейля оказалась вредоноснее – водка или витаминный напиток, но поутру братцу было худо. От стресса он, правда, избавился, но теперь страдал от головной боли и еще от диареи, имеющей нетипичный импульсный характер: приступы настигали беднягу каждые десять минут, а в промежутках между заседаниями в туалете Зяма чувствовал себя вполне нормально. Только головой маялся.

– Улавливаю, продолжай, – помассировав себе виски, брюзгливо ответил братец.

– Продолжу через пару минут, – сказала я, посмотрев на часы.

Секундная стрелка завершила круг, десять минут, проведенные Зямой за пределами клозета, закончились.

– Ох! – вскрикнув, страдалец согнулся пополам и устремился в уборную.

– Пойду поищу в аптечке лекарство от диареи, – папуля тоже встал из-за стола.

Я неторопливо намастила вторую булочку, дождалась возвращения бледного измученного Зямы и сказала, словно наш разговор и не прерывался:

– Второе. Вчера у нас украли не только многоуважаемый шкаф. Этому ограблению века предшествовало другое – я имею в виду гангстерский налет на мамулю, у которой свист-

нули сумку. В сумке, помимо прочего, были ключи от квартиры. И что из этого следует? – я вопросительно посмотрела на Зяму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.